

Шан Сижуй наносил грим, беря щепотку свинцовых белил и нанося их на руки, которые сразу стали белее снега, словно прозрачные. Обычно артисты Пекинской оперы пренебрегали гримом на руках, поэтому на сцене можно было увидеть лицо, покрытое белилами и румянами, а руки — грубые и тёмные, что выглядело нелепо. Этот детальный подход он перенял у актрис шаосинской оперы во время поездки в Шанхай.

Медленно надев два сверкающих кольца с драгоценными камнями, он посмотрел на Чэн Фэнтая в зеркало и улыбнулся:

— Отлично. Второй господин, вы постарались.

Чэн Фэнтай смотрел на его руки в зеркале — они были более изящными и белыми, чем у многих дам, и ему захотелось сжать их в ладонях, а затем поднести к губам и слегка укусить. Он всегда был человеком действия, и просто думать об этом было недостаточно. Под предлогом разговора он зашёл в комнату, схватил руку Шан Сижую и начал разглядывать и ощупывать её:

— Эй! Хозяин Шан, это ведь кольцо, которое я вам подарил?

Шан Сижуй, не понимая его намерений, позволил ему тереть свою руку, почти стирая грим:

— Да. Разве второй господин забыл о своём подарке?

Чэн Фэнтай кивнул:

— Ммм... Очень яркое. Будто наполнено водой. Почему раньше я этого не замечал...

Неясно, говорил ли он о кольце или о чём-то другом.

Пока Чэн Фэнтай флиртовал с лицедеем в заднем дворе, в саду уже собрались гости. Его сестра Чэн Мэйсинь и её муж, командующий Цао, тоже прибыли. Супруги привезли с собой отряд охраны, который выстроился вдоль стен с оружием наготове, у каждого входа стояли двое солдат, и гости старались не говорить слишком громко, чтобы случайно не вызвать гнев командующего Цао, который мог бы достать оружие и открыть огонь.

Командующий Цао был высоким, крепким мужчиной с орлиным носом, небритый, с взъерошенными волосами, одетый в военную форму. Он сидел в центре, попивая чай и щёлка орехи. Его красота отличалась от красоты Чэн Фэнтая — она была грубой, даже дикой, напоминающей о первобытной мужской силе. Но, как бы он ни был красив, кроме своих подчинённых и Чэн Мэйсинь, никто не осмеливался смотреть на него прямо.

Чэн Мэйсинь спокойно чистила орехи для командующего Цао, наслаждаясь роскошью и суетой вокруг. Ей нравилось показывать, насколько великолепна её семья, а новорождённый племянник был для неё не так важен. Когда она навещала вторую госпожу, то говорила, что

ребёнок похож на Чэн Фэнтая в детстве, хотя на самом деле она не помнила, как он выглядел в те годы. Трое младших братьев и сестёр от другой матери не имели для неё значения.

Командующий Цао громко щёлкал орехами:

— Я говорю — где же Сяо Фэн? Почему он ещё не здесь?

Командующий Цао называл Чэн Фэнтая «Сяо Фэн», как будто это была девушка, и все, кто слышал это, не могли не смеяться.

Чэн Мэйсинь сказала:

— Только что был здесь... А, вот он.

Чэн Фэнтай, закончив флирт, с радостным видом подсел к командующему Цао и начал есть орехи. Чэн Мэйсинь, которая долго их чистила, только посмотрела на брата с укором. Командующий Цао, увидев Чэн Фэнтая, рассмеялся и начал хлопать его по бедру. Возможно, из-за большой разницы в возрасте, он относился к Чэн Фэнтаю с отеческой снисходительностью.

— Сяо Фэн, покажи мне своего сына.

— Зачем вам смотреть на это существо? Оно похоже на обезьяну без шерсти. Скоро начнётся спектакль! И, командующий, не называйте меня Сяо Фэн, это женское имя, мне стыдно...

Командующий Цао громко хлопнул его:

— Чёрт возьми! Что плохого в имени Сяо Фэн? Кто сегодня будет выступать?

Чэн Фэнтай загадочно улыбнулся и тихо сказал:

— Ничего особенного, только первая красавица Бэйпина.

Командующий Цао сразу понял, о ком идёт речь, и тоже загадочно улыбнулся:

— О. Это действительно интересно.

Чэн Мэйсинь, услышав это, бросила на брата ядовитый взгляд, ругая его в душе: «Сучонок, мерзавец, прямо при мне сводит командующего с актрисой. Сколько раз я ему говорила, а он меня игнорирует, негодяй...»

Чэн Фэнтай поговорил с командующим Цао, затем слуга что-то шепнул ему на ухо, и он быстро встал, смахнув крошки с одежды:

— Командующий, посидите немного, я скоро вернусь.

По обычаю, командующий Цао всегда появлялся на банкетах в самый последний момент. Сегодня он пришёл раньше из-за Чэн Фэнтая, но сидеть без дела ему быстро надоело, и он нахмурился:

— Шурина, ты что, возомнил себя важной птицей? Оставляешь меня здесь одного?

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Командующий, не сердитесь, не усложняйте мне жизнь. Вы заботитесь обо мне, и я должен позаботиться о другом шурине. Мне нужно его встретить. Вернусь — выпьем! Я сам налью три тоста. — С этими словами он убежал, а командующий Цао с улыбкой прокричал ему вслед пару ругательств.

Шурин Чэн Фэнтая, Фань Лянь, только что вернулся из Цзинаня, где занимался делами нескольких предприятий. Сойдя с поезда, он сразу помылся, переоделся и отправился на банкет, не с пустыми руками, а с двумя гостями. Чэн Фэнтай, увидев молодую пару за его спиной, сразу понял, кто они. Фань Лянь радостно представил:

— Шурина, это мой двоюродный брат Чан Чжисинь и его жена Цзян Мэнпин.

Чан Чжисинь, лет тридцати, был одет в чёрный костюм, с очками в черепаховой оправе, с густыми бровями и прямым носом, выглядел как человек с характером. Рядом с ним стояла Цзян Мэнпин в розовом пальто, с расстёгнутыми пуговицами, под которым виднелось новое шёлковое платье. Кончики её волос были завиты, а на висках сверкали заколки с бриллиантами. Она выглядела как современная молодая дама.

Чэн Фэнтай, увидев Чан Чжисиня, похвалил его за представительность и тепло пожал ему руку. Он подумал, что дети от вторых жён всегда красивее: он и Чача'эр выглядели лучше, чем старшая сестра Чэн Мэйсинь. Фань Лянь и Фань Цзиньлин тоже были симпатичнее второй госпожи. А Чан Чжисинь был настоящим красавцем. Что касается Цзян Мэнпин, она не была так красива, как он ожидал, хотя и выглядела очень привлекательно. Он представлял её неземной красоты, поэтому был немного разочарован.

Фань Лянь сказал:

— Я встретил двоюродного брата в Цзинане, и он как раз собирался в Бэйпин по делам, поэтому мы приехали вместе.

Чэн Фэнтай всё ещё держал руку Чан Чжисиня и тепло пожимал её. Тот улыбнулся:

— Господин Чэн, давно слышал о вас! — Чэн Фэнтай тоже сказал, что давно о нём слышал. Это не было просто вежливостью, так как Фань Лянь много рассказывал им друг о друге, и они уже были знакомы заочно.

Чэн Фэнтай пригласил их в дом:

— Мы же одна семья, зачем называть меня господином. Я ваш зять, а вы мой шурин.

Чан Чжисинь сказал:

— Хорошо. Зять. Как поживает моя двоюродная сестра? Признаюсь, моя тётя вышла замуж далеко, и я никогда не видел свою настоящую двоюродную сестру. — Он похлопал Фань Ляня по плечу:

— Зато с этим диким двоюродным братом мы хорошо знакомы.

Цзян Мэнпин улыбнулась:

— Тогда, может, нам стоит сначала навестить двоюродную сестру?

Эти короткие слова, словно нежные пальцы, коснулись сердца Чэн Фэнтая. Такого мелодичного голоса он ещё не слышал — он был как журчащий ручей, чистый и нежный, звучал лучше, чем пение. Чэн Фэнтай обернулся к Цзян Мэнпин, и она, улыбаясь, кивнула ему. Её улыбка была тёплой и ароматной, как розовый лотос, расцветающий на снегу, полный нежности и очарования.

Чэн Фэнтай подумал: «Теперь я понимаю, почему ради неё весь Пинъян был в смятении».

Чан Чжисинь и его жена отправились навестить вторую госпожу. Чан Чжисинь не мог войти в спальню, поэтому просто поприветствовал её у двери и ушёл. Цзян Мэнпин села на край кровати, рассматривая ребёнка и разговаривая со взрослыми, проявляя искреннюю теплоту. Даже холодная и высокомерная вторая госпожа не могла не проникнуться к ней симпатией, а Фань Цзиньлин особенно полюбила её, обнимая и называя «сестрой». Цзян Мэнпин мягко общалась с ними, и постепенно они стали близки.

Вторая госпожа, держа ребёнка, подумала: «Такая женщина стоит того, чтобы ради неё отказаться от богатства. Как может лицедей Шан Сижуй сравниться с ней?»

Мужчины снаружи тоже вели оживлённую беседу.

<http://bllate.org/book/15435/1368562>